

DOI: 10.46698/VNC.2022.19.12.011

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ ПЕСНЯ: ВНУТРИЖАНРОВЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ И ПОЭТИКА

Б.А. Берберов

Песня – универсальный фольклорный жанр, имеющий свои специфические особенности в культуре каждого этноса. В статье в краткой форме рассматриваются основные жанровые модификации карачаево-балкарской песни, обусловленные факторами национальной истории, художественными традициями, ментальностью горцев Северного Кавказа. Среди них – трудовые, историко-героические, любовные, песни-плачи, религиозно-духовные песни. Ввиду малоисследованности наибольшее внимание автор уделяет жанру историко-героической песни. Впервые в национальной фольклористике дается культурологическая оценка уникальному специализированному номеру журнала «Минги тау» («Эльбрус»), изданному в 1993 г. в виде антологии историко-героических песен карачаево-балкарского народа. Наиболее репрезентативные из них проанализированы с точки зрения онтологической поэтики. Антропоцентризм выявлен как основной атрибутивный признак, определяющий тематику, сюжет, композицию и в целом жанрово-стилистические особенности историко-героической песни. В той же мере скрупулезно выявлены и проинтерпретированы изобразительно-выразительные средства элегических песен, среди которых особое место занимают эпитеты, метафоры, сравнения, гипербола, повторы, символика цвета. В качестве примера приводятся три характерных произведения: «Песня горовосходителей на Эльбрус», «Первая эпидемия» и «Вторая эпидемия», основанные на реальных событиях. После революции 1917 г. лиро-эпическая жанровая система карачаево-балкарского фольклора пополнилась так называемыми «советскими песнями», посвященными строителям нового общественного строя, рабочему классу, колхозникам, героям Отечественной войны, социалистическому соревнованию, дружбе народов, высокой и верной любви. На основании исследования делается вывод о том, что национальная история карачаевцев и балкарцев нашла полновесное отражение в этнофольклорной системе, богатой своими жанровыми модификациями.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, песня, жанр, языческие элементы, история, антропоцентризм, любовь, песня-плач, советская песня.

Песня – один из древнейших фольклорных жанров, отличительной особенностью которого является синкретичность, органическое соединение вербального и музыкального, слова и мелодии. Кроме эстетической функции песенные тексты выполняют и другую, немаловажную, историографическую роль, запечатлевая значимые страницы народной жизни. По словам В.Г. Белинского, «песня лучше самой истории свидетельствует о внутреннем быте народа, может служить меркою его гражданственности, поверкою его человечности, зеркалом его духа» [1, 249].

Региональными фольклористами проведена большая работа по сбору, систематизации и изданию сборников народных песен [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]. Карачаево-балкарская песня отличается большим жанровым богатством. Отдельные ее аспекты рассмотрены в трудах Х.Х. Малкондуева, Т.М. Хаджиевой, Б.А. Берберова и др. [13; 14; 15; 16; 17]. Все указанные источники автору пришлось скрупулезно собирать в течение длительного времени для комплексного анализа состояния национальной песенной культуры в настоящее время. Кроме того, они призваны сориентировать будущих исследователей национального фольклора в нужном направлении.

В статье поставлена цель: показать в системной форме панорамную картину карачаево-балкарской песни, выделить ее основные жанрово-стилевые разновидности с присущими им специфическими экспрессивными средствами.

Высокую оценку песне дает Кайсын Кулиев, который на «Страницах автобиографии» пишет: «Я любил петь с детства, жил в атмосфере народной песни и сказки. Пели чабаны, косари, каменотесы, всадники в пути, девушки, копающие огород. Я был маленьким ашугом, пел своим товарищам и взрослым девушкам, да и на свадьбах тамада, усадив меня рядом с собой, просил петь» [18, 436].

Не существует народа без песен, но при этом песенный репертуар каждого этноса имеет свои особенности, предопределенные событиями национальной истории, условиями жизни, этнокультурными традициями. Самую нижнюю, корневую часть карачаево-балкарской песенной диахронии занимают трудовые песни (*«урунуу жырла»*). Их создателем является «*homo faber*» – «человек трудящийся», которому свойственно было монотонную работу сопровождать стимулирующей энергией песнопения. Жанр трудовой песни имеет внутрижанровую классификацию, где в отдельные группы выделяются «песни земледельцев», «песни животноводов», «песни ткачей», «песни женщин, занимающихся обработкой шерсти».

Отличительные черты названных архаичных жанров определяются тем, что «нотный стан» песенных текстов коррелирует с тактом телодвижений работающего человека. Вторая особенность заключена в трудовых песнях (*«Эрпирей», «Долай», «Онай», «Инай»*); в них содержатся обращения

к языческим божествам, а также элементы гимнов, молитв, прошений о благополучном исходе рабочего процесса. Как отмечает Т.М. Хаджиева, «девушки, исполняющие «Инай», просят высшие силы, чтобы создаваемые ими платья, кийизы, бурки были добротные, прочные, а их обладатели (в будущем) – здоровые и счастливые» [19, 21].

Следующую большую группу составляют исторические и героические песни, которые долгое время публиковались разрозненно в отдельных изданиях. В 1993 г. благодаря группе энтузиастов во главе с кандидатом филологических наук Х.Ч. Джуртубаевым были собраны, систематизированы и опубликованы около 40 историко-героических песен в специальном сборнике-приложении к журналу «Минги Тау» («Эльбрус») [12]. Особо следует отметить эстетическую сторону издания: оно иллюстрировано изысканными, тематически точно подобранными черно-белыми рисунками члена Союза художников России Леуана Ахматова.

Лаконичную, но весьма емкую по содержанию вступительную статью к изданию в свойственной ему поэтичной, образной форме написал народный поэт Кабардино-Балкарской Республики и народный поэт Карачаево-Черкесской Республики Магомет Мокаев. Приведем характерный отрывок: «Удивительно, даже в то время, когда карачаевцы, балкарцы принудительно были высланы с родной земли в песчаные степи Средней Азии и Казахстана, наши старики не забывали свои песни. В условиях тотального голода и холода, когда сотни и тысячи людей погибали от малярии, брюшного тифа, от горя, они все равно помнили тексты песен! Призыв не отчаиваться народные исполнители посредством песен доносили до соплеменников. Даже когда у них было отобрано право петь, они умудрялись это делать, воодушевляя и окрыляя растерявшихся и отчаявшихся изгнанников на чужой земле» [12, 5].

Осознавая историческую ценность каждой художественной детали, издатели снабдили опубликованные песни научными комментариями, а также составили отдельные списки антропонимов и топонимов, встречающихся в этих древних текстах.

По содержанию историко-героических песен можно восстанавливать многие забытые и полузабытые страницы региональной и российской истории. Большое место в них занимает хроника взаимоотношений между различными, географически соседствующими, народами. Череда локальных междоусобных войн, поплзновения на чужие территории, систематические набеги, угон скота, захват имущества – все это нашло полное отражение в песнях. Такого рода сведения тоже важны для восстановления реальных картин из исторического прошлого.

Известный фольклорист Т.М. Хаджиева в одной из своих работ отмечает, что фольклорист-музыковед, собиратель народных песен Михаил Петрович Гайдай [1878-1965] во время экспедиции в Балкарию в 1924 г. запи-

сал около 100 нотных записей балкарских песен и наигрышей. По словам исследовательницы, «рукопись Гайдая «Балкарские нотные мелодии» составляет 108 нотных записей песен и наигрышей. Из них 96 – балкарские; 10 – кабардинские; 2 – киргизские мелодии, записанные им в Ставрополе» [16, 103]; Гайдаем записано по одной песне из крымского цикла (№16), о Кавказской войне (№83) и песня о русско-японской войне (№27) [16, 111].

Касаясь данной темы, северокавказский ученый А.А. Ахлаков замечает: «Более обширным предстает относящийся к XVI–XVII вв. цикл песен адыгов, осетин и балкарцев о борьбе с крымскими ханами. Более чем двухвековая борьба народов Северного Кавказа против крымского ханства – с его притязаниями на их земли, с опустошительными набегами и походами – породила множество песен. На эту тему больше всего песен записано у адыгов: «Песни о двух братьев Ешанокowych», «Кашкатау», цикл песен «Татартупская битва», «Песня о ночном нападении», «Тембот» и ряд других» [20, 131].

Не менее ценной является подспудная, подтекстовая информация, касающаяся вопросов морально-этических абсолютов. По песням видно, что война – войной, но всегда есть определенные социальные нормативы, имеющие незыблемый характер. «Исторический фон в этих песнях конкретен, заметно стремление их создателей более или менее точно воспроизвести происшедшее, сохранить имена действующих лиц, название местности, где происходило то или иное событие. Так, в песне «Ачей улу Ачемез» нашла отражение борьба народа за независимость», – отмечает фольклорист Р.А.-К. Ортабаева [7, 27].

Одним из таких эпических героев, в экстремальный момент способных стать «выше самого себя», является Ачемез Ачеев, воспетый в одноименной песне. Историко-героическая песня «Ачей улу Ачемез» («Ачеев Ачемез») имеет несколько версий.

Впервые текст был опубликован в 1940 г. в сборнике «Эски кьарачай джырла» («Старинные карачаевские песни»), вышедшем в Микоян-Шахаре (ныне гор. Карачаевск) [10, 51–52]. Затем публиковался в сборниках «Эски кьарачай-малкъар джырла» («Старинные народные песни карачаевцев и балкарцев», 1958) [11, 53–55], «Кьарачай халкъ джырла» («Карачаевские народные песни», 1969) [7, 57–58], «Кьарачай-малкъар фольклор» («Карачаево-балкарский фольклор», 1996) [26, 240–241]. В журнале «Минги тау» («Эльбрус», 1993) имеется пять вариантов песни «Ачемез» [12, 35–47]. Отметим, что в 1964 г. по мотивам песни писательницей Абидат Боташевой была создана пьеса «Ачей улу Ачемез» [21, 111–132]. 15 июля 1990 г. в Балкарском государственном театре им. К.Ш. Кулиева по пьесе С. Бабоева был поставлен спектакль «Ачемез» (реж. З. Толгуров, худ. Б. Панков) [22, 192].

Самая полная версия песни об «Ачееве Ачемезе» была зафиксирована в 1939 г. участниками летней лингвистической экспедиции Кабарди-

но-Балкарского научно-исследовательского института во главе с профессором В.И. Филоненко. В 1962 г. ее текст в оригинале, а также в переводе на русский язык был дан в «Материалах и исследованиях по балкарской диалектологии, лексике и фольклору» [23, 88–91]. Нельзя не отметить высокую степень адекватности перевода с подчеркнутым вниманием к экзотизмам и этнографизмам.

Вызывают интерес оригинальные изобразительно-выразительные средства языка, среди которых – *эпитеты*: «желтая гора» [23, 90], «львиные объятия» [23, 91], «хворостяные сани» [23, 91]; *метафоры*: «жена стала игрушкой крымским ханам» [23, 90], «сердца (гостей) успокоили» [23, 90], «ножи они свои точат» [23, 90]; *гиперболы*: «метаемые стрелы их на желтой горе птичьего глаза не минуют» [23, 90], «семи раев двери» [23, 91]; *анти-тезы*: «счастье» – «несчастье» [23, 90], «молодец» – «трус» [23, 91], «трус» – «джигит» [23, 91].

Доктор филологических наук Х.Х. Малкондуев замечает, что «сюжет песни «Ачемез, сын Аче» во всех случаях однотипен. В один из горных аулов (чаще упоминается Карачай) приходят *крым семенле* – «семена крымские» – специальные сборщики дани Крымского ханства, которые отвозят собранные с подвластных народов ценные вещи, живность, мед и хмельные напитки в Бахчисарай. С ними в этот момент, якобы, находился и сам хан, который поручил своим слугам выбрать самую красивую женщину в ауле» [15, 189].

В ходе дальнейшего повествования военно-политический конфликт затухает и на передний план выходит нравственно-этический, обусловленный тем, что крымский хан, не удовлетворяясь данью материального характера, теперь покушается на красавицу Алабоюнчак – жену Ачемеза.

Х.Х. Малкондуев пишет, что это и есть начало конфликта. Он протекает «в форме диалога между неограниченной властью, грубой силой, вседозволенностью со стороны крымского хана и носителем чести, морали и человеческого достоинства – отважным горцем Ачемезом, который завершается убийством зарвавшегося властителя и воспеванием рыцарских достоинств Ачемеза, боровшегося за честь не только семьи, но и всей общины» [15, 190].

Об изначальной внутренней культуре главного героя говорит тот факт, что Ачемез, догадываясь о злонамеренном плане ханских посланников, велит своим родственникам накрыть стол, достойно принять гостей:

– *Ой анам, къонакъ келсин, хан келсин,
Къонакъланы биз къонакъ кибик кёрюрбюз.
Не тилей эселе да, тилегенлерин берирбиз.
Ой анам, тейри бла хан бирди* [23, 89].

– Ой, мать, гость ли придет, хан ли придет,
 Гостей мы, как гостей, должны встретить (увидим),
 Что бы они ни просили, просимое им мы дадим.
 О мать, бог и хан – одно [23, 90].

Но как только Ачемез узнает истинную цель визита непрошенных гостей, принимает оборонительную тактику и, заявив, что «с женою у мужа душа – одна» [23, 90], вступает в открытый бой с врагами. Он берет на себя роль поборника женской чести и достоинства, готов отдать свою жизнь за любимую женщину. В этой историко-героической песне безымянным автором поется гимн истинному мужчине, отстаивающему социально одобряемые гендерные идеалы.

Движущей силой текста является «внутренняя война», которая разгорается в душе главного героя в момент осознания злонамеренного прихода незнакомцев. Когнитивный диссонанс был связан с тем, что, с одной стороны, культ гостеприимства требовал от Ачемеза максимально благожелательного отношения к тем, кто переступил порог его дома, а с другой – они пришли разрушить основание его семьи. Внутренняя противоречивость его психологического состояния выразилась в весьма оригинальном, альтернативном приветственном комплексе, где добро и зло оказались рядом: «С приездом, невредимо странствующие гости! Добро пожаловать, странствующие гости-враги!» [23, 91]. Здесь мы видим достаточно популярный в народно-песенной поэтике прием художественного параллелизма – однородное синтаксическое построение двух предложений. Но оригинальность данного конкретного двуступенчатого построения заключается в появлении неожиданного оксюморона («гости – враги») в финале. Одно маленькое словечко превращает прием художественного параллелизма в бинарную оппозицию.

По нашему наблюдению, нередко тексты историко-героических песен завершаются благопожеланиями в адрес матери, воспитавшей достойного сына для своего народа. Не является исключением и финал песни про Ачемеза Ачеева, где говорится:

*Джети джаннетни эшиги ачылсын
 Ачемезни джигит табхан анагъа.
 Къырым ханны мычымайын салдырды,
 Джигит улан, алайда чырпы чанагъа [23, 89].*

Семи раев двери да откроются
 Матери Ачемеза, родившей его джигитом (удалым).
 Крымского хана быстро (не медля) положил
 Тут удалой молодец на хворостяные сани [23, 91].

По мнению профессора М.Б. Кетенчиева, «историко-героическая песня «Сын Темиркана, Ачемез» представляет собой многогранное произведе-

дение карачаево-балкарского фольклора. Она содержит большое количество языковых единиц различного уровня, характеризующихся многообразием форм и широтой семантики. Это дает возможность рассмотреть не только особенности ее языка и стиля, но и отметить целый ряд характеристик карачаево-балкарской языковой картины мира» [24, 136].

В исторических песнях освещаются события, связанные с многочисленными военными столкновениями («Крымская война», «Кавказская война», «Русско-японская война», «Гражданская война», «Великая Отечественная война»), мухаджирством, эпидемиями чумы и холеры, депортацией народа в середине XX столетия.

Героические песни, при всей их тесной связи с жанром исторических, имеют свои отличительные особенности, обусловленные антропоцентрической поэтикой. Другими словами, в них крупным планом изображается одна, отдельно взятая, героическая личность, находящаяся в эпицентре описываемых событий. Яркий пример – песни о народных заступниках: «Атабийни жыры» («Песня Атабия»), «Къанамат» («Канамат»), «Гапалау» и др.

В системе изобразительно-выразительных средств героических песен преобладают эпитеты, метафоры, гиперболы, с помощью которых укрупняются, возводятся в степень выдающиеся физические и морально-этические качества воспеваемых протагонистов: «тау асланла» – «горные львы» [12, 130], «кёкюрегинг шибиляча жашнайды» – «твоя грудь сверкает, как молния» [12, 133].

Другой полюс антропоцентрических текстов в карачаево-балкарском фольклоре составляют песни-плачи, близкие к элегии. Как правило, это «стихотворения средней длины, медиативного или эмоционального содержания (обычно печального), чаще всего – от первого лица, без отчетливой композиции» [25, 1227]. Героями этих песен являются как известные в народе люди («Орусбийланы Исмаил»), так и обычные селяне, погибшие в результате несчастного случая, падения со скалы, удара молнии, камнепада. В песнях-плачах нарраторами в большинстве случаев выступают мать, сестра или любимая девушка героя. Ярким примером такого исповедального текста, написанного от имени горянки-альпинистки, выступает «Песня восходителей на Эльбрус» («Минги таугъа чыкъгъанланы жыры»), в которой девушка оплакивает трагическую смерть своего возлюбленного, сорвавшегося в пропасть [26, 360]. Поэтику песен-плачей определяет наличие риторических вопросов, эгожертвенных формул, гипербол, а также доминанта черного цвета в цветовой символике.

Другой пример таких элегических произведений – песни про эпидемии, бушевавшие на территории проживания карачаевцев и балкарцев. Рубеж XVIII–XIX вв. ознаменовался двумя эпидемиями чумы: «Первая эпидемия» («Ал эмина») в Большом Карачае в 1790–1800 гг. [10,

27], «Вторая эпидемия» («Экинчи эмина») на Северном Кавказе в 1808–1814 гг. [10, 29]. По различным оценкам, эти две эпидемии унесли значительное количество населения в регионе. Национальная трагедия, обусловленная этими эпидемиями, нашла отражение в таких песнях, как «Ал эмина» («Первая эпидемия»), «Орусбийлары» («Урусбиевы») (она же «Экинчи эмина» – «Вторая эпидемия»), «Эмина» («Эпидемия») [12, 115–121].

Песня «Ал эмина» («Первая эпидемия») начинается с упоминания о крике черного ворона, предвещающего народу грядущее испытание. Доминанта черного цвета, уже упомянутая нами ранее, усиливается в этих строках аллитерацией – «къара къаргъа къычырды» («черный ворон прокричал») [12, 115]. В следующих строках подчеркивается деструктивное влияние болезни на когнитивные функции как людей, так и домашних животных, что примечательно в свете многочисленных примеров воспевания интеллекта в творчестве карачаево-балкарцев. В песне также звучит сожаление о горькой участи молодых девушек, которые умирают от болезни, не успев познать радости замужества и материнства. Последние строки песни озаменованы протестом против действий ряда местных священнослужителей, которые отказываются от выполнения установленных правил по обмыванию и захоронению тел погибших без подношений со стороны безутешных родственников. Помимо тематики, эта песня выделяется и примерами необычной лексики. Так, кинжал героя называется редким словом «сюлпюк», что восходит к полной форме «сюлпюгюр» – «меч» [12, 115]. Другое слово – «кёрдемчи» [12, 115] – интересно тем, что практически не имеет аналогов в большинстве языков мира и может быть переведено на русский язык только тяжеловесной конструкцией, «переживший эпидемию, оставшийся в живых (после эпидемии)» [27, 342].

В карачаево-балкарском «песеннике» отдельную группу составляют песни о любви. Как справедливо отмечают фольклористы, «отношение к любви характеризует лирического героя песен как человека высоких нравственных принципов, верного и искреннего в любви» [1, 259]. Тексты этих песен могут быть как от имени девушки, так и юноши. Не менее интересен и третий вариант, написанный в форме шуточного диалога между влюбленными. Примером такого диалогического текста является стилизованное фольклорное стихотворение Кайсына Кулиева «Состязание», где герой и героиня соревнуются в остроумии. Ниже приводим характерный отрывок:

– Зазубрин у кинжала
От грозных битв не счесть.
Таких, как ты, немало
В ауле нашем есть.

– Нет девушек красивых –
Немного все равно.
А юношей хвастливых
Везде полным-полно [28, 287].

Некоторые отечественные фольклористы, в том числе Т.М. Хаджиева, считают, что в самостоятельный кластер должны быть выделены «советские песни» («совет жырла»). Они составляют «несколько тематических групп: песни о революции и гражданской войне; песни о коллективизации сельского хозяйства; песни о Великой Отечественной войне; песни о выселении народа; песни о любви и ийнары; шуточно-юмористические, сатирические» [26, 23].

Народные песни о выселении на протяжении многих лет хранились в памяти сказителей, не имея печатного воплощения. В 1997 г. благодаря Т.М. Хаджиевой был выпущен в свет сборник «Словесные памятники выселения» («Кёчгюнчюле эсгертмеси») [5], вобравший в себя множество песен о стойкости, народном единстве, историческом оптимизме северокавказских спецпереселенцев. Безымянные сочинители этих песен считали «своим художественным долгом исцелять раненую душу народа красотой и правдой поэтического слова, способствовать возрождению национального языка и культуры» [29, 24–27].

Неотъемлемой частью карачаево-балкарского фольклора является религиозно-дидактическая литература, включающая в себя духовные песнопения (*зикир, моулюд, назира, ийман-ислам*), исполняемые как на арабском языке, так и на родном. Широкое хождение в народе имели также тексты просветительского, наставительного характера (*тафсир, фатыуа, ууаз, мунажат, хадис*), большей частью представляющие собой комментарии к сурам Корана, проповеди, «жития святых», краткий анализ проблемных ситуаций в бытовой жизни рядового мусульманина. Названные жанры получили всестороннее освещение в монографии Т.Ш. Биттировой, которая замечает, что, «несмотря на драматические обстоятельства, при которых пришлось выживать религиозной литературе и культуре, их основные художественные параметры свидетельствуют о целостности эстетической системы, устоявшей на протяжении всего атеистического периода истории народа» [30, 189].

Таким образом, изыскание выявило, что песенный репертуар карачаевцев и балкарцев представляет собой достаточно разветвленную систему, включающую в себя множество внутржанровых модификаций.

Теоретическая и практическая ценность исследования песен обусловлена тем, что проведенный анализ песен найдет свое место при составлении трудов по фольклорной компаративистике, рассмотрении различных аспектов песенной культуры народов Северного Кавказа, России, а также в издательской практике при выпуске антологии народной песни. Цикл

проанализированных песен – источник важной этнокультурной информации, способной увеличить объем исторической памяти у подрастающего поколения, что особенно важно в условиях современного трансформирующегося и глобализирующегося мира.

1. Аникин В.П., Круглов Ю.Г. Русское народное поэтическое творчество. Л.: Просвещение, 1983. 416 с.

2. Антология народной музыки балкарцев и карачаевцев. Т.1. Мифологические и обрядовые песни и наигрыши / сост. А.И. Рахаев, Х.Х. Малкондуев. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2015. 432 с.

3. Антология народной музыки балкарцев и карачаевцев. Т. 2. Нартские песни / сост. А.И. Рахаев, Т.М. Хаджиева, Х.Х. Малкондуев. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2020. 272 с.

4. Кёзлерибизден къан тама. Кёчгюнчюлюкню кююлери (...А из наших глаз капала кровь). Песни-плачи / ред. Х. Джаубаев. Черкесск: Малое издательское предприятие «Чолпан», 1991. 64 с. (на кар.-балк. яз.).

5. Кёчгюнчюле эсгертмеси. Жырла бла назмула (1943-1957) (Словесные памятники выселения. Народные песни и стихи балкарских и карачаевских поэтов (1943-1957)) / сост., автор вступительной статьи Т.М. Хаджиева. Нальчик: Эль-Фа, 1997. 384 с. (на кар.-балк. яз.).

6. Къарачай-малкъар халкъ жырла (Карачаево-балкарские народные песни). Нальчик: Эльбрус, 2001. 216 с. (на кар.-балк. яз.).

7. Къарачай халкъ жырла (Карачаевские народные песни) / сост. С.А. Гочияева, Р.А.-К. Ортабаева, Х.И. Сюйюнчев. М.: Главная редакция восточной литературы, 1969. 276 с. (на кар.-балк. яз.).

8. Малкъар халкъ жырла (Балкарские народные песни) / сост. С.А. Отапов, А.З. Холаев. Нальчик: Эльбрус, 1969. 271 с. (на кар.-балк. яз.).

9. Нарт жырла бла таурухла (Нартские сказания и песни) / сост. М.Ч. Джуртубаев. Нальчик: Эльбрус, 1992. 152 с. (на кар.-балк. яз.).

10. Эски къарачай джырла (Старинные карачаевские песни) / сост. Х.О. Лайпанов, М.А. Дудов. Микоян-шахар: Карачаевский Научно-Исследовательский Институт, 1940. 93 с. (на кар.-балк. яз.).

11. Эски къарачай-малкъар джырла (Старинные народные песни карачаевцев и балкарцев) / сост. Х.О. Лайпанов. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1958. 93 с. (на кар.-балк. яз.).

12. Эски жырла (Старинные песни) // Минги тау (Эльбрус). 1993. №4 (50). 224 с. (на кар.-балк. яз.).

13. Малкондуев Х.Х. Древняя песенная культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1990. 152 с.
14. Малкондуев Х.Х. «Песня о Бахсануке». Композиция // Языковая ситуация в многоязычной поликультурной среде и проблемы сохранения и развития языков и литератур народов Северного Кавказа: Материалы Всероссийской научной конференции. В 2-х ч. Карачаевск: КЧГУ, 2011. Ч. II. С. 13–23.
15. Малкондуев Х.Х. Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV-XVIII века). Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. 312 с.
16. Хаджиева Т.М. М.П. Гайдай как собиратель и исследователь карачаево-балкарских народных песен // Известия СОИГСИ. 2017. Вып. 26 (65). С. 103–115.
17. Берберов Б.А. К историографии карачаево-балкарской охотничьей песни «Бийнёгер» // Языковая ситуация в многоязычной поликультурной среде и проблемы сохранения и развития языков и литератур народов Северного Кавказа: Материалы Всероссийской научной конференции. В 2-х ч. Карачаевск: КЧГУ, 2011. Ч. I. С. 128–132.
18. Кулиев К.Ш. Так растёт и дерево. М.: Современник, 1975. 463 с.
19. Хаджиева Т.М. Малкъарлыланы бла къарачайлыланы халкъ поэзия чыгъармачылыкълары (Народное поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев) // Къарачай-малкъар фольклор (Карачаево-балкарский фольклор). Хрестоматия. Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 6–37. (на кар.-балк. яз.).
20. Ахлаков А.А. Исторические песни народов Дагестана и Северного Кавказа. М.: Издательство «Наука», 1981. 232 с.
21. Боташланы А.Дж. Сайланганлары. Пьеса «Ачей улу Ачемез» // Боташева А.Дж. Избранное. Пьеса «Ачеев Ачемез». Черкесск: Ставропольское книжное издательство, 1964. С. 111–132. (на кар.-балк. яз.).
22. Маммеев И.Ш. Малкъар театр // Балкарский театр. Нальчик: Эльбрус, 2005. 200 с. (на кар.-балк. яз.).
23. Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962. 200 с.
24. Кетенчиев М.Б. О языке историко-героической песни «Сын Темиркана Ачемез» // Фольклорный текст: рубеж тысячелетий. Нальчик: Принт Центр, 2021. С. 132–137.
25. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.
26. Къарачай-малкъар фольклор (Карачаево-балкарский фольклор) / сост., автор вступительной статьи Т.М. Хаджиева. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 592 с. (на кар.-балк. яз.).
27. Къарачай-малкъар орус сёзлюк (Карачаево-балкарско-русский словарь). М.: Русский язык, 1989. 832 с. (на кар.-балк. яз.).

28. Кулиев К.Ш. Собрание сочинений. В 3-х т. М.: Художественная литература, 1976. Т. I. Стихотворения. Поэмы (1935-1961). 557 с.

29. Берберов Б.А. Ностальгические мотивы в лирике Халимат Байрамуковой // Репрессированные народы: история и современность: Материалы республиканской научной конференции (г. Карачаевск, 30-31 октября 2003 г.). Карачаевск: изд-во КЧГУ, 2003. С. 24–27.

30. Буттирова Т.Ш. Карачаево-балкарская духовная литература: рукописное наследие. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. 264 с.

Berberov, Burhan A. – Institute for the Humanities Research of Kabardian-Balkarian Scientific Centre of RAS (Nalchik, Russia); burhan_berberov@mail.ru

KARACHAY-BALKAR SONG: INTRAGENRE VARIETIES AND POETICS.

Keywords: *Karachay-Balkar folklore, song, genre, pagan elements, history, anthropocentrism, love, lamentation song, Soviet song.*

The song is a universal folklore genre that has its own specific features in the culture of each ethnic group. The article briefly examines the main genre modifications of the Karachay-Balkar song, due to the factors of national history, artistic traditions, and the mentality of the highlanders of the North Caucasus. Among them are labor, historical-heroic, love, lamentation songs, religious-spiritual songs. In view of the lack of research, the author pays the most attention to the genre of historical and heroic song. For the first time in national folklore, a culturological assessment is given to the unique specialized issue of the magazine "Mingi Tau" ("Elbrus"), published in 1993 in the form of an anthology of historical and heroic songs of the Karachay-Balkarian people. The most representative of them are analyzed from the point of view of ontological poetics. Anthropocentrism is revealed as the main attributive feature that determines the theme, plot, composition and, in general, the genre and stylistic features of the historical heroic song. The figurative and expressive means of elegiac songs are scrupulously identified and interpreted to the same extent, among which a special place is occupied by epithets, metaphors, comparisons, hyperbole, repetitions, symbolism of color. As an example, three characteristic works are given: "The Song of the Climbers on Elbrus", "The First Epidemic" and "The Second Epidemic", based on real events. After the revolution of 1917, the lyrical-epic genre system of Karachay-Balkarian folklore was replenished with the so-called "Soviet songs" dedicated to the builders of a new social system, the working class, collective farmers, heroes of the Patriotic War, socialist competition, friendship of peoples, high and true love. Based on the study, it is concluded that the national history of the Karachays and Balkars has found a full reflection in the ethno-folklore system, rich in its genre modifications.

References

1. Anikin, V.P., Kruglov, Yu.G. *Russkoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo* [Russian folk poetry]. Leningrad, Prosveshchenie, 1983. 416 p.
2. Rakhaev, A.I., Malkonduev, Kh.Kh. (comp.) *Antologiya narodnoi muzyki balkartsev i karachaevtsev. T.1. Mifologicheskie i obryadovye pesni i naigryshi* [Anthology of folk music of the Balkars and Karachays. Vol.I. Mythological and ritual songs and tunes]. Nalchik, Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2015. 432 p.
3. Rakhaev, A.I., Khadzhieva, T.M., Malkonduev, Kh.Kh. (comp.) *Antologiya narodnoi muzyki balkartsev i karachaevtsev. T.2. Nartskie pesni* [Anthology of folk music of the Balkars and Karachays. Vol. II. Nart songs]. Nalchik, Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2020. 272 p.
4. Dzhaubaev, Kh. (ed). *Kezleribizden k'an tama. Kechgyunchyulyuknyu kyuuleri* [And blood was dripping from our eyes. Cry songs]. Cherkessk, Maloe izdatel'skoe predpriyatie «Cholpan», 1991. 64 p. (in Karachay-Balkarian).
5. Khadzhieva, T.M. (comp.) *Kechgyunchyule esgertmesi. Zhyrla bla nazmula (1943-1957)* [Verbal monuments of eviction. Folk songs and poems of Balkar and Karachay poets (1943-1957)]. Nalchik, El-Fa, 1997. 384 p. (in Karachay-Balkarian).
6. *K'arachai-malk'ar khalk' zhyrla* [Karachay-Balkar folk songs]. Nalchik, Elbrus, 2001. 216 p. (in Karachay-Balkarian).
7. Gochiyaeva, S.A., Ortabaeva, R.A.-K., Syuiyunchev, Kh.I. (comp.) *K'arachai khalk' zhyrla* [Karachai folk songs]. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1969. 276 p. (in Karachay-Balkarian).
8. Otarov, S.A., Kholae, A.Z. (comp.) *Malk'ar khalk' zhyrla* [Balkar folk songs]. Nalchik, Elbrus, 1969. 271 p. (in Karachay-Balkarian).
9. Dzhurtubaev, M.Ch. (comp.) *Nart zhyrla bla taurukhla* [Nart legends and songs]. Nalchik, Elbrus, 1992. 152 p. (in Karachay-Balkarian).
10. Laipanov, Kh.O., Dudov, M.A. (comp.) *Eski k'arachai dzhyrla* [Old Karachay songs]. Mikoyan-shakhar, Karachaevskii Nauchno-Issledovatel'skii Institut, 1940. 93 p. (in Karachay-Balkarian).
11. Laipanov, Kh.O. (comp.) *Eski k'arachai-malk'ar dzhyrla* [Ancient folk songs of Karachays and Balkars]. Cherkessk, Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1958. 93 p. (in Karachay-Balkarian).
12. *Eski zhyrla* [Old songs]. *Mingi tau* [Elbrus]. 1993, no. 4 (50), 224 p. (in Karachay-Balkarian).
13. Malkonduev, Kh.Kh. *Drevnyaya pesennaya kul'tura balkartsev i karachaevtsev* [Ancient song culture of the Balkars and Karachais]. Nalchik, Elbrus, 1990. 152 p.
14. Malkonduev, Kh.Kh. «*Pesnya o Bakhsanuke*». *Kompozitsiya* [«Song of Bahsanuk». Composition]. *Yazykovaya situatsiya v mnogoyazychnoi polikul'turnoi srede i problemy sokhraneniya i razvitiya yazykov i literatur narodov Severnogo Kavkaza: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. V 2-kh ch.* [Language situ-

ation in a multilingual multicultural environment and problems of preservation and development of languages and literatures of the peoples of the North Caucasus: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. In 2 parts] Karachayevsk, Karachayev-Circassian State University, 2011, part II, pp. 13–23.

15. Malkonduev, Kh.Kh. *Istoriko-geroicheskie pesni karachaevo-balkarskogo naroda (konets XIV-XVIII veka)* [Historical and heroic songs of the Karachay-Balkar people (late XIV-XVIII centuries)]. Nalchik, Pechatnyi dvor, 2015. 312 p.

16. Khadzhieva, T.M. *M.P. Gaidai kak sobiratel' i issledovatel' karachaevo-balkarskikh narodnykh pesen* [M.P. Gaidai as a collector and researcher of Karachay-Balkar folk songs]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2017, iss. 26 (65), pp. 103–115.

17. Berberov, B.A. *K istoriografii karachaevo-balkarskoi okhotnich'ei pesni «Biineger»* [To the historiography of the Karachay-Balkar hunting song «Binyoger»]. *Yazykovaya situatsiya v mnogoyazychnoi polikul'turnoi srede i problemy sokhraneniya i razvitiya yazykov i literatur narodov Severnogo Kavkaza: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. V 2-kh ch.* [Language situation in a multilingual multicultural environment and problems of preservation and development of languages and literatures of the peoples of the North Caucasus: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. In 2 parts]. Karachayevsk, Karachayev-Circassian State University, 2011, part I, pp. 128–132.

18. Kuliev, K.Sh. *Tak rastet i derevo* [This is how the tree grows]. Moscow, Sovremennik, 1975. 463 p.

19. Khadzhieva, T.M. *Malk"arlylany bla k"arachailylany khalk" poeziya chyg"armachylyk"lary* [Folk poetry of the Balkars and Karachais]. *K"arachai-Balk"ar fol'klor. Khrestomatiya* [Karachay-Balkar folklore. Reader]. Nalchik, El-Fa, 1996, pp. 6–37. (in Karachay-Balkarian).

20. Akhlakov, A.A. *Istoricheskie pesni narodov Dagestana i Severnogo Kavkaza* [Historical songs of the peoples of Dagestan and the North Caucasus]. Moscow, Nauka, 1981. 232 p.

21. Botasheva, A.Dzh. *Sailanganlary. P'esa «Achei ulu Achemez»* [Sailanganlary. The play «Achey ulu Achemez»]. Botasheva, A.Dzh. *Izbrannoe. P'esa «Acheev Achemez»* [Selected. The play «Acheev Achemez»]. Cherkessk, Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964, pp. 111–132. (in Karachay-Balkarian).

22. Mammeev, I.Sh. *Malk"ar teatr* [Balkar theater]. Nalchik, Elbrus, 2005. 200 p. (in Karachay-Balkarian).

23. *Materialy i issledovaniya po balkarskoi dialektologii, leksike i fol'kloru* [Materials and research on Balkar dialectology, vocabulary and folklore]. Nalchik, Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. 200 p.

24. Ketenchiev, M.B. *O yazyke istoriko-geroicheskoi pesni «Syn Temirkana Achemez»* [On the language of the historical-heroic song «Son of Temirkan Achemez»]. *Fol'klornyi tekst: rubezh tysyacheletii* [Folklore text: the turn of the millennium]. Nalchik, Print Tsentr, 2021, pp. 132–137.

25. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii* [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow, Intelvak, 2003. 1600 col.
26. Khadzhieva, T.M. (comp.) *K"arachai-malk"ar fol'klor* [Karachay-Balkar folklore]. Nalchik, El-Fa, 1996. 592 p. (in Karachay-Balkarian).
27. *K"arachai-malk"ar orus sezlyuk* [Karachay-Balkar-Russian Dictionary]. Moscow, Russkii yazyk, 1989. 832 p. (in Karachay-Balkarian).
28. Kuliev, K.Sh. *Sobranie sochinenii. V 3-kh t.* [Collected works. In 3 vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1976. *T.I. Stikhotvoreniya. Poemy (1935-1961)* [Vol.I. Poems. Poems (1935-1961)]. 557 p.
29. Berberov, B.A. *Nostal'gicheskie motivy v lirike Khalimat Bairamukovoi* [Nostalgic motifs in the lyrics of Khalimat Bayramukova]. *Repressirovannyye narody: istoriya i sovremennost': Materialy respublikanskoi nauchnoi konferentsii 30-31 oktyabrya 2003 g.* [Repressed peoples: history and modernity: Materials of the republican scientific conference October 30-31, 2003]. Karachaevsk, Karachayev-Circassian State University, 2003, pp. 24–27.
30. Bittirova, T.Sh. *Karachaevo-balkarskaya dukhovnaya literatura: rukopisnoe nasledie* [Karachay-Balkar Spiritual Literature: Manuscript Heritage]. Nalchik, Pechatnyi dvor, 2016. 264 p.